

Забывтый холокост: второе надругательство

Есть ли в любой части Соединенных Штатов и, возможно, во многих других странах мира хоть один ребенок, который не видел ужасающих фотографий газовых камер Аушвица или не читал хотя бы отрывков из западающей в память истории юной Анны Франк? Более того, по крайней мере в США, большинству детей также рассказывают о разрушительных последствиях атомных бомб, которые Соединенные Штаты сбросили на японские города Хиросиму и Нагасаки. Но спросите большинство американцев — как детей, так и взрослых, включая высокообразованных — о событиях в Нанкине, и окажется, что многие даже не слышали о том, что там произошло 60 лет назад. Один известный правительственный историк признался мне, что эта тема никогда не поднималась за все те годы, пока он учился в школе. Окончившая Принстон женщина-юрист смущенно сказала, что даже не знала, что Китай и Япония воевали; все ее знания о тихоокеанском конфликте времен Второй мировой войны ограничивались Пёрл-Харбором и Хиросимой. Подобное невежество свойственно даже американцам азиатского происхождения. Одна из них продемонстрировала мне свои скорбные познания в географии и истории, спросив меня: «Нанкин? Это что, какая-то династия?»

Событие, 60 лет назад занимавшее первые полосы американских газет, похоже, ушло в забвение, практически не оставив следов. Голливуд не снял о резне ни одного фильма, хотя сюжет ее не менее драматичен, чем у «Списка Шиндлера». До недавнего времени ничего о ней не писали также большинство американских романистов и историков.

Узнав о подобном, я пришла в ужас при мысли, что история 300 тысяч убитых китайцев может исчезнуть точно так же, как исчезли они сами под японской оккупацией, и мир однажды может поверить японским политикам, настаивавшим, что резня в Нанкине — всего лишь сфабрикованный обман и никакой бойни на самом деле не было. В процессе написания этой книги я заставляла себя углубляться не только в историю, но и в историографию, исследуя объективные процессы, с помощью которых творится история. Что сохраняет в истории определенные события, предавая забвению остальные? Каким именно образом события, подобные Изнасилчанию Нанкина, исчезают из коллективной памяти Японии (и даже всего мира)?

Одна из причин, по которой информация о Нанкинской резне не распространялась достаточно широко, явно состоит в том, как Германия и Япония отнеслись к своим преступлениям времен войны. Возможно, в большей степени, чем любая другая нация в истории, немцы сделали частью своей послевоенной политической идентичности признание того факта, что в военных преступлениях было виновно само правительство времен войны, а не отдельные нацисты. Японское правительство, однако, никогда не вынуждало японское общество поступить таким же образом. В результате, хотя некоторые отважно сражаются за то, чтобы поставить японское общество перед лицом болезненной правды, многие в Японии продолжают воспринимать военные преступления как отдельные поступки конкретных солдат или даже как события, которых попросту не было.

В Японии продолжают существовать соперничающие друг с другом взгляды на происходившее во время Второй мировой войны. В соответствии с популярной ныне ревизионистской точкой зрения, страна не несет ответственности за массовые убийства гражданских где бы то ни было во время войны. Японцы сражались за собственное выживание и за освобождение Азии от западного империализма. Более того, в ответ на свои благородные усилия Япония в итоге сама понесла страшные жертвы в Хиросиме и Нагасаки.

Подобное утешительное восприятие истории до сих пор встречается в японских учебниках, которые либо вообще игнорируют Нанкинскую резню, либо решительно оправдывают действия японских военных. На дальнем конце политического спектра японские ультранационалисты угрожали всем подряд, чтобы заставить замолчать оппонентов, предполагающих, что эти учебники не рассказывают истинную историю подрастающим поколениям.

Но не только фанатичные группировки пытаются переписать историю. В 1990 году Исихара Синтаро, ведущий член японской консервативной Либерально-демократической партии и автор таких бестселлеров, как «Япония, которая может сказать “нет”», сказал интервьюеру из «Плейбоя»: «Говорят, будто японцы устроили там [в Нанкине] холокост, но это неправда. Эту историю сочинили китайцы. Они пытались лишить привлекательности образ Японии, но это ложь» [1].

Естественно, подобное заявление возмутило ученых и журналистов во всем мире. Один из них заявлял, что «отрицание Японией Нанкинской резни — в политическом смысле то же самое, что отрицание Германией холокоста» [2]. Но осуждение с их стороны не смогло заставить замолчать Исихару, который перешел в яростную контратаку.

В своих опровержениях Исихара перед лицом множества свидетельств обратного утверждал, что мир ничего не знал о Нанкинской резне, пока Международный военный трибунал по Дальнему Востоку не отдал под суд ее участников. Он также заявлял, что ни японские военные корреспонденты, ни западные репортеры ничего не писали о резне, пока та происходила; что корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Фрэнк Тиллман Дэрдin не был свидетелем какой-либо резни, и что священник Епископальной церкви Джон Мэйджи видел за все время лишь одного убитого [3].

В 1990 году Джона Мэйджи, естественно, уже не было в живых, и он никак не мог себя защитить, но его сын Дэвид Мэйджи попытался опровергнуть заявления Исихары. Он давал интервью прессе и посещал конференции на тему Нанкинской резни, где читал отрывки из бумаг своего отца и показывал фотографии, на которых его отец запечатлел зверства японцев. Фрэнк Тиллман Дэрдin был еще жив и предпринял самые активные действия. Прервав свою уединенную жизнь на пенсии в Сан-Диего, он провел пресс-конференцию, на которой объяснил репортерам, что действительно описывал в своей статье 1937 года мирную жизнь в Шанхае и Нанкине, но статья эта была написана за два месяца до того, как японцы начали свое наступление на Нанкин.

Столь же легко опровергались и другие заявления Исихары. Сообщения о резне появлялись в десятках западных газет того времени, и даже японские газеты описывали ее во всех подробностях. Что касается Дэрдина, его тогдашние статьи публиковались на первых полосах «Нью-Йорк Таймс». В письмах Джона Мэйджи содержались описания наподобие: «Изнасилования, которым подвергаются женщины, не поддаются ни описанию, ни воображению» [4] или: «На каждой улице полно мертвых тел, а я ходил по всему городу и окрестностям, включая Сягуань» [5].

Не желая, однако, останавливаться, Исихара перешел к утверждениям, будто китайские заявления о резне в Нанкине помогли повлиять на решение США о бомбардировке Хиросимы и Нагасаки. Поскольку он уже не мог повторять свои ранее опровергнутые заявления, он слегка поменял позицию, но в одном оставался негибким: даже если немцы принесли извинения за убийства евреев, это вовсе не означало, что японцы должны поступить так же, и им ни при каких обстоятельствах не следует признавать свою вину в каких-либо злодеяниях.

Карьера Исахары не пострадала, несмотря на его интервью «Плейбою», но другим в конечном счете повезло меньше.

- Одним из тех, кого затянуло в полемическую воронку, был генерал Нагано Сигето. Весной 1994 года, через несколько дней после его назначения на должность министра юстиции, он дал интервью газете «Майнити Симбун», которое оказалось для него политическим самоубийством. «Думаю, Нанкинская резня и все остальное — фальсификация, — сообщил он газете. — Я был в Нанкине сразу же после тех событий» [6]. Далее он назвал корейских «женщин для удовольствия» «лицензированными проститутками», а не сексуальными рабынями и утверждал, что у Японии не было выбора, кроме как воевать, поскольку ей угрожала «опасность быть раздавленной». Гневная реакция на его заявления по всей Азии вынудила Нагано подать в отставку [7].
- В сентябре 1986 года Фудзио Масаюки, японский министр просвещения, обрушил свою карьеру, заявив, будто Изнасилование Нанкина было «всего лишь частью войны» [8]. В интервью журналу «Бунгэй Сюдзю» Фудзио защищал действия японцев во время Нанкинской резни и утверждал, что число погибших сильно

преувеличено. Он также сказал, что Корея отчасти виновна в своей аннексии Японией в 1910 году, что Корея добровольно согласилась на колонизацию и что Токийский трибунал по военным преступлениям стал «расовой мстью» с целью «лишить Японию ее могущества». Хотя комментарии Фудзио, по его словам, имели своей задачей лишь «восстановление японского духа, истории и традиций», они стоили ему должности. В том же месяце японский премьер-министр Накасонэ Ясухиро отправил его в отставку [9].

- Окуно Сэйсуки, который во время войны был директором знаменитой «Кэмпэйтэй» (японской тайной военной полиции) на уровне префектуры, после войны поднялся до должности министра юстиции, а затем — министра просвещения. К 1988 году Окуно стал главой японского земельного агентства и третьим по значимости членом кабинета министров. Однако карьера Окуно потерпела крах весной того же года, когда он посетил храм Ясукуни в Токио (где похоронены и являются объектом поклонения японские военные преступники) и раскрыл свое истинное отношение ко Второй мировой войне. «У нас не было агрессивных намерений, — сказал Окуно репортерам. — Белая раса превратила Азию в колонию, но обвинили одну лишь Японию. Кто был страной-агрессором? Белая раса. Не понимаю, почему японцев называют милитаристами и агрессорами» [10]. Его заявления вызвали возмущение во всей Азии, что вынудило Окуно скорректировать свои слова: «Я не говорил, что Япония не была агрессором. Я сказал, что она была не единственным агрессором» [11]. В мае Окуно был вынужден подать в отставку, но так и не раскаялся до самого конца [12]. По словам Окуно, он уступил лишь под давлением правительства, а не потому, что хотел отречься от своих заявлений.

- В августе 1994 года Сакурай Син, генеральный директор японского агентства по охране окружающей среды, заметил, что Япония вступила в войну вовсе не из-за агрессивных намерений [13]. В ответ на гневные протесты Китая (пресс-секретарь министерства иностранных дел КНР объявил, что «китайское правительство в очередной раз сожалеет о безапелляционных и лживых заявлениях японского кабинета министров, искажающих исторические факты» [14]) премьеру Мураяме Томиити пришлось извиняться за слова Сакурая. Он также осудил Сакурая, назвав его замечания «неподобающими» [15], и вынудил генерального директора провести срочную пресс-конференцию, на которой тот отрекся от своих слов.
- В 1995 году Хасимото Рютаро, министр внешней торговли и промышленности, могущественный человек в Либерально-демократической партии (позднее ставший премьер-министром Японии), заявил, что в намерения Японии входило лишь сражаться с Соединенными Штатами, Британией и «некоторыми другими» во время Второй мировой войны. По его словам, если Япония и была настроена излишне воинственно по отношению к Китаю, она на самом деле не собиралась вторгаться в другие азиатские страны [16].

Официальные отрицания неоспоримых фактов продолжались даже в то время, когда эта книга готовилась к печати. Кадзияма Сэйроку, секретарь японского кабинета министров, разгневал несколько азиатских стран, заявив, будто сексуальные рабыни и жертвы изнасилований японской императорской армии во время Второй мировой войны были вовсе не рабынями, но добровольно занимались проституцией. В январе 1997 года он заявил, что «женщины для удовольствия» японской армии «покупались за деньги» [17] и ничем не отличались от японских проституток,

легально работавших в то время в Японии. Что удивительно, эти комментарии последовали накануне переговоров на высшем уровне между японским премьер-министром Хасимото Рютаро и южнокорейским президентом Ким Ён Самом, где оба выразили глубокое недовольство по поводу замечаний Кадзиямы.

Кадзияма позднее пытался извиниться, хотя и разозлил критиков, поскольку его извинения выглядели оскорбительно и неискренне. Секретарь кабинета сожалел, что его комментарии вызвали «определенное неудовольствие на японско-корейском саммите и непонимание среди южнокорейского народа» [18], но отказался отречься от своих изначальных высказываний. Это был не первый раз, когда слова Кадзиямы стоили ему неприятностей. В 1990 году он был вынужден подать в отставку с поста японского министра юстиции, после того как сравнил афроамериканцев с проститутками, которые портят своим видом весь район [19].

Проблема учебников

Возможно, одной из самых неприглядных сторон японского образования является преднамеренное сокрытие важной исторической информации о Второй мировой войне посредством цензуры учебников.

Практически с самого рождения японские дети штурмуют ступени скользкой образовательной пирамиды, стремясь добраться до вершины, каковой является поступление в То-дай, или Токийский университет. В начальных школах идет зубрежка ради поступления в правильную среднюю школу, где дети учатся с девяти утра до шести вечера, а в детских садах — ради поступления в правильную начальную школу. Есть даже эксклюзивные ясли, гарантирующие малышам билет в правильный детский сад.

Но, несмотря на «экзаменационный ад», которым славятся японцы, что учат их школьники о Второй мировой войне?

Как оказывается, крайне мало. Вся японская образовательная система страдает избирательной амнезией, ибо даже в 1994 году японским школьникам не рассказывали, что армия Хирохито несет ответственность за гибель по крайней мере 20 миллионов солдат союзников и гражданских лиц в Азии во время Второй мировой войны [20]. В начале 1990-х годов в одной газетной статье цитировались слова преподавателя японской средней школы, который утверждал, что его ученики крайне удивились, узнав, что Япония воевала с Соединенными Штатами. И первое, о чем они спросили, — кто победил? [21]

Как такое могло случиться? Все учебники для японских начальных и средних школ должны быть сперва одобрены японским министерством просвещения. Критики в Японии отмечают, что наиболее тщательной проверке подвергаются учебники по общественным дисциплинам. Например, в 1977 году министерство просвещения сократило раздел о Второй мировой войне в стандартном учебнике истории всего до шести страниц, состоявших в основном из фотографий американской бомбардировки Токио, фото руин Хиросимы и подсчета погибших во время войны японцев. В тексте не упоминалось о потерях другой стороны, о зверствах японских солдат или о принудительном вывозе китайских и корейских пленных в трудовые лагеря в Японии [22].

Большая часть подобной цензуры, возможно, не встретила бы сопротивления, если бы не усилия одного отважного общественного деятеля. В 1965 году японский историк Иэнага Сабуро судился с японским правительством, и этот процесс стал началом законодательной борьбы, продолжавшейся три десятилетия и получившей поддержку тысяч сочувствующих в Японии.